

СВЕТ И БЛЕСК ЕЕ ГЛАЗ

Антонина Лобкарева

Участники гончаровского вечера не могли оторвать глаз от изображенной на портрете красавицы в черном бальном платье, отделанном белым кружевом. Ее голову и обнаженные плечи, точно легкая дымка, окутывал тончайший газовый шарф. Весь ее облик — осанка, поворот головы, темные вьющиеся волосы, уложенные в скромную прическу, взгляд карих глаз — был полон женской грации и очарования.

Историю любви Гончарова к Елизавете Толстой поклонники и исследователи творчества писателя узнали в конце 1913 года, когда в двух последних номерах журнала «Голос минувшего» была опубликована 32 письма Гончарова к Елизавете Васильевне и две главы романа «Pour и contre». В ответ от Елизаветы Васильевны Гончаров получил несколько, по его словам, «гомеопатических» писем, но они не сохранились — по всей видимости, сгорели, когда писатель в конце 1880-х годов уничтожил значительную часть своего архива.

Пожалуй, не найдется ни одного биографа Гончарова или исследователя его творчества, который бы не анализировал романтическую и трагическую любовь писателя к Елизавете Васильевне Толстой.

Поиски его портрета велись давно, но найден он был совершенно случайно.

В 1996 году в Ульяновск, на родину предков, приехала из Франции В.Жюбер, потомок семьи Толстых.

Она рассказала, что ее бабушка, внучатая племянница Е.В.Толстой, купила портрет

в антикварном магазине на Арбате в 1950-е годы.

С тех пор он хранится как семейная реликвия.

Музею Гончарова было дано право сделать копию с этого портрета.

И вот, 26 сентября 1997 года, в канун очередной годовщины со дня смерти И.А.Гончарова, в день памяти писателя, все желающие могли увидеть живописную копию с портрета Елизаветы Васильевны, в замужестве Мусиной-Пушкиной, работы Николая Аполлоновича Майкова.

Копию выполнил ульяновский художник Борис Клевогин.

Историю любви Гончарова к Е.В.Толстой можно было бы назвать «обыкновенной историей», если бы не ее необыкновенные герои.

С одной стороны — знаменитый писатель, обладающий глубоким, самобытным умом, владеющий мастерством тонкого психологического анализа, с другой стороны — незаурядная, «особенная», по словам Гончарова, женщина.

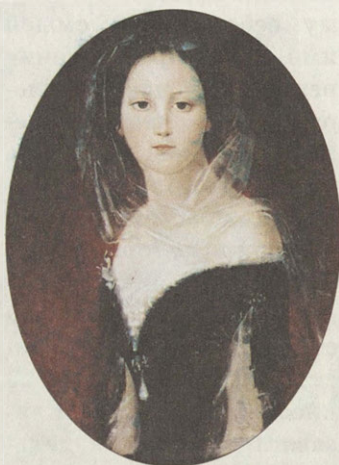
Елизавета Васильевна происходила из старинной дворянской семьи. Ее мать Варвара Александровна, урожденная Мусина-Пушкина, принадлежала к одной из ветвей знаменитого ярославского рода. Отец Елизаветы, Василий Александрович Толстой, был внесен в родословные книги Симбирской губернии, где владел поместьями.

Видимо, семья Толстых некоторое время жила в Москве. В своих воспоминаниях Д.В.Григорovich, учившийся с братом Толстой в инженерном училище, называет Варвару Александровну «московской барыней».

Гончаров впервые встретил Елизавету Васильевну молоденькой шестнадцатилетней девушкой в 1842–1843 годах, когда она с матерью проездом на купания в Финляндию остановилась в Петербурге. Они бывали в доме Майковых, старых знакомых Толстых, где еще с конца 30-х годов Гончаров давал уроки сыновьям Майковым Валерьяну и Аполлону и считался своим человеком в доме. В альбоме Толстой наряду с другими Иван Александрович сделал любезную светскую запись: «...Что сказать мне? И чем же? Прозой!.. Позвольте же мне этим языком выразить — и сожаление о Вашем удалении от нас, и благодарность за дорогие минуты Вашего пребывания здесь, и желание Вам светлой и безмятежной будущности. Февраль 1843 г.» Подписал это пожелание Гончаров прозвищем, данным ему в кружке Майковых «Делень».

После смерти отца в 1843 году Елизавета Васильевна с семьей переехала в симбирское имение.

Проходит двенадцать лет. Гончаров уже известный писатель, автор «Обыкновенной истории», только что вернулся из плавания на фрегате «Паллада» и готовил к печати свои путевые записки. В то же время его творческие думы заняты «Обломовым». Гончарову уже 43 года, он чувствует

Н.А.Майков
Елизавета Васильевна
Толстая

Н.А.Майков
Иван Александрович
Гончаров

себя отяжелевшим, «мучительная сторона страсти» кажется ему чем-то «уже давно угасшим и забытым»...

И вот осенью 1855 года в Петербурге и в жизни Гончарова снова появляется Елизавета Васильевна Толстая. Ей теперь 28 лет, но она еще не замужем. Красота и ум Елизаветы приковывают к ней взоры всех, с кем она встречается. Но Гончаров становится самым неж-

ным и внимательным поклонником красавицы. Пока Елизавета Васильевна жила в Петербурге, Гончаров писал ей небольшие записки. Сначала перед нами преданный друг, который любовно исполняет всевозможные поручения красавицы — добывает билеты в оперу и театр, дает литературные новинки, носит в починку перчатки и кольцо — и многое другое. Гончаров долго предпочитает говорить о дружбе, дружбе целомудренной и святой, как «просвира». Но чувствуется, что одной «святой просвирой» ему не удовольствоваться: «Так есть ее — суха, с супом — неприлично, на утро к чаю она засохнет, а между тем она святая!»

Все чаще перед словом «дружба» появляется многозначительное многоточие (11 октября 1855 г.), «дружба» явно становится псевдонимом любви. Ему кажется, что в «ослепительно прекрасном друге» сочтались все достоинства: она создана «гармонически-прекрасно, наружно и внутренно», ее взгляд сияет «умом и добротой», в лице — «мягкость линий, так гармонически сливающихся в волшебных красках румянца, белизны лица и блеска глаз». Он не знает, чему более удивляться — ее чарующей красоте, ее доброму сердцу или, наконец, «тонкому, нежному, женскому» уму. «Прекраснее

Вас нет женщины в мире, следовательно, нет нигде: в небесах, конечно, есть, но не женщины, а херувимы и серафимы», — писал он 20 февраля 1856 года.

Передо мной, признается Гончаров 3 ноября 1855 года, «идеал женщины», и «этот идеал владеет мной так сильно, я в слепоте».

Отъезд Елизаветы Васильевны в Москву 18 октября 1855 года обостряет чувства Гончарова. Он посылает ей не только письма, но и две главы романа «Pour и contre» — «За и против».

В «Pour и contre» два героя: «автор» и его «лучший друг», влюбленные в героиню, то есть в Е.В.Толстую. Это паразитическое по искренности и накалу чувств произведение о любви. Если бы «героиня» увлеклась им, мечтает «лучший друг», то он «наслаждался бы ея увлечением, не употребляя его во зло, и расквитался бы потом за него всею своею жизнью». «Я болен ею... мне стало как-то тесно на свете жить; то кажется, что я стою в страшной темноте, на краю пропасти, кругом туман, то вдруг озарит меня свет и блеск ея глаз и лица — и я будто поднимусь до облаков».

В этой «исповеди», по выражению самого автора, он подверг тщательному анализу и себя, и Елизавету Васильевну, стараясь выяснить само-

му себе, какой смысл имело бы продолжение переписки с нею. Примеряя себя в качестве ее жениха и мужа, Гончаров видит два выхода для себя: «или забвение им героини или ее горячее участие». Окончательное решение вопроса он представляет Толстой. Насколько можно судить по письмам Гончарова, Елизавета Васильевна дальше дружбы не шла. Говоря словами писателя, она питала к нему «дружбу какую-то, так, чувство в роде самого пресного теста, без всякой закваски, без брожения». А когда в «Pour и contre» он обнаружил перед нею всю глубину и силу своего чувства, «весь беспорядок души», ее «волнения и хаос», когда он поставил ее в необходимость давать решительный ответ, она замолчала, «замкнувшись в своем непоколебимом спокойствии», как выразился Гончаров в письме от 28 декабря 1855 года. «Пятимесячное, изредка и неохотно прерываемое молчание» Елизаветы Васильевны отняло у Гончарова всякую надежду. 31 декабря 1855 года он с болью в сердце писал: «Лучшего моего друга уж больше нет, он не существует, он пропал, испарился, рассыпался прахом. Остаюсь один я, с своей апатией, или хандрой, с болью в печени, без «дара слова», следовательно, пугать и тревожить Вас бредом не-

кому». В «Pour и contre» Гончаров рассказывает историю создания портрета Толстой. Накануне отъезда в Москву Елизавета Васильевна вместе с Николаем Аполлоновичем Майковым посетила фотомастерскую Левицкого, где было сделано несколько ее снимков. Позу для одной из фотографий задал Майков. Он хотел в отсутствие Толстой, по памяти, но с помощью этой фотографии писать ее портрет. Гончаров зашел узнать, готовы ли снимки. В мастерской узнал, что фотографию, определенную Майковым, невозможно растражировать, так как подмастерье нечаянно уничтожил негатив. Остался один-единственный оттиск. Это очень впечатлило Гончарова, и он взял себе этот снимок. «Этого ни у кого не будет, — писал он в «Pour и contre», — а те она разда-рит другим».

После настойчивых просьб художника Гончаров дает ему фотографию для работы над портретом, но с условием по окончании работы сразу же вернуть. Фотография в рамочке стояла на столе писателя. Она не сохранилась, наверное, погибла вместе с письмами Толстой. Живописный портрет был подарен Майковым Е.В.Толстой.

Осенью 1856 года Е.В.Толстая стала невестой своего двоюродного брата по линии матери,

Вечер памяти И.А.Гончарова
в торжественном зале областной библиотеки
Справа — копия-портрет возлюбленной писателя Е.В.Толстой

ярославского помещика Александра Илларионовича Мусина-Пушкина.

Еще 30 октября 1856 года Гончаров отвечал жениху Толстой: «Вот портрет Елизаветы Васильевны, который я взял у Левицкого уже после ее отъезда. Извините, милостивый государь Александр Илларионович, что я не предложил Вам другого портрета, сделанного Левицким же, по указанию Николая Аполлоновича: кроме сходства с оригиналом, он представляет еще идеал общей женской красоты; так искусно Николай Аполлонович уловил самую поэтическую сторону этой красоты. Если Вы позволите, я сохраню этот портрет у себя и буду поклоняться ему артистически».

В последнем письме к Толстой Гончаров написал: «...Когда мне случается отрезвляться от пустой суеты и материализ-

ма, когда толщина (не физическая: я иногда толстею и умом и духом) проходит, когда я тоньше понимаю и чувствую, когда пробуждается потребность к эстетическим наслаждениям, Вы тотчас являетесь в памяти и четырех месяцев отсутствия Вашего как не бывало. Не влюблен же я в Вас: сохрани Боже, стыд какой! «Ну, любите», — скажут мне: без всякого сомнения. Да кто ж Вас не любит? Это Ваша неотъемлемая заслуга».

25 января 1857 года Елизавета Васильевна Толстая и Александр Илларионович Мусин-Пушкин обвенчались. Гончаров пережил трагедию, жизнь отняла у него дорогую и светлую мечту. Как бы предчувствуя печальную разлуку, еще 25 октября 1855 года он писал о себе (в третьем лице): «Того участия, которого ему не доставало в жизни,

он уж не найдет и ему предстоит одинокая и печальная старость».

В статье, предваряющей публикацию писем Гончарова Е.В.Толстой, историк литературы П.Н.Сакулин провел параллель между романом, который переживал в душе писатель, и романом «Обломов». «Обломов» был задуман давно, но вновь автор принялся за него по возвращении из путешествия. Благо и условия для писания романа были благоприятные. «Роман, — говорит Гончаров в письме от 31 декабря 1855 года, — требует благоприятных, почти счастливых обстоятельств, потому что фантазия, участие которой неизбежно в романе, как в поэтическом произведении, похожа на цветок: он распускается и благоухает под солнечными лучами, и она разворачивается от лучей... фортуны». Осенью

1855 года жизнь улыбалась Гончарову, у него было ясное, приподнятое настроение, и работа спорилась. К декабрю 1855 года первая часть была почти закончена: «Поправить бы немного, да прибавить главы две, так первая часть и готова», — сообщает он Елизавете Васильевне 1 декабря и напоминает ей об обещании снова приехать в Петербург хоть на неделю, чтобы дослушать написанные после нее главы романа. Когда понизилось настроение писателя, роман застопорился.

Но Гончаров сдержал слово, данное Елизавете Васильевне в письме от 25 октября 1855 года: «...Во имя Ваше...» завершить роман «Обломов» через полтора года. Следовательно, «Обломов» не только по мере писания прочитывался Елизавете Васильевне, но и творился во имя ее, и закончен был практически через полтора года — летом 1857 года.

В этот год писатель по совету врача поехал лечиться на воды в Мариенбад, где и дописал «Обломова». В первой части романа рядом с Обломовым еще нет никакой героини. Ольга Ильинская появляется только со второй части. Начиная с П.Н.Сакулина, многие исследователи считают, что образ Елизаветы Васильевны, сохраненный «памятью сердца», помог Гончарову рисовать другой, художе-

ственный образ — образ Ольги Ильинской. «Пережитое им самим счастье любви, — писал Сакулин, — светлыми бликами падало на листы его романа и живыми красками расцветивало психологию его героя».

Долгое время облик Елизаветы Васильевны складывался только по письмам Гончарова. Отдавая должное восхищению писателя, его биографы в выборе Елизаветы Васильевны видели нежелание нарушить сословные предрассудки, неспособность ответить на страстное чувство. «Послегончаровская» семейная жизнь Е.В.Толстой была практически неизвестна историкам.

Немногие архивные материалы о Елизавете Васильевне, которые нашли сотрудники музея И.А.Гончарова, письма и воспоминания ее родственников, найденные в последние годы, расширяют представление о Елизавете Васильевне как о личности.

Жизнь Елизаветы Васильевны сложилась нелегко, но несмотря на трудности и потери, она наполнена любовью, терпением, заботой о близких.

Муж Толстой, которого она любила с юности, был душевнобольным человеком. Он умер в сентябре 1865 года от тяжелой депрессии.

У Елизаветы Васильевны было трое детей — Семен, Георгий, Надежда.

Дочь умерла совсем юной. Е.В.Толстая приложила все усилия, чтобы воспитать сыновей образованными, достойными, интеллигентными людьми. Материальное положение семьи складывалось трудно, и Елизавета Васильевна, зрелая сословные предрассудки, поступила на службу. С 1868 года она занимает должность начальницы Керченского Кушниковского института благородных девиц. По сути дела, сбылось шутовское предсказание Гончарова в письме в ней: «Теперь я больше люблю классных дам, и то не настоящих, а будущих».

Для женщины, которая и по рождению, и по мужу принадлежала к старинным дворянским родам, это был довольно смелый шаг. Жена художника, Евгения Петровна Майкова, поддерживая Елизавету Васильевну, писала: «Очень рада, голубушка, что Вы, наконец, попривыкли к вашей работе и что Вас так любят и в институте дети, равно и родители их, а что касается до всей массы окружающей Вас, понятно, что все новое им не нравится, не скоро ведь рухнет старая рутинная, которая вошла в плоть и кровь русского человека, придется еще долго бороться, покуда поймут прогресс цивилизации вообще, особенно мы, т.е. мне подобные старухи».

Гончаров знал о трудностях в жизни некогда горячо любимой им женщины. Елизавета Васильевна часто бывала в Петербурге, где учился ее старший сын Семен, у них были общие знакомые.

В 1877 году Елизавета Васильевна умерла. Судьба ее сыновей Семена и Григория сложилась трагично. По наследству они получили два имения — деревню Часково в Ярославской губернии и село Золино в Симбирской губернии, которые поделили между собой. Семен Александрович обосновался в Ярославской губернии. Он получил прекрасное образование в Петербурге, а затем служил в земстве в Мологе. Интересы Семена Александровича не ограничивались службой. Он собирал материалы по истории революционного движения в России, работал над биографическим словарем декабристов. Мусин-Пушкин был страстным поклонником Пушкина, его пушкинская коллекция считалась одной из самых значительных в России. Семен Александрович унаследовал архив матери и частично разобрал его. У него было двое детей — Ольга и Лев, который умер в детстве.

Григорий Александрович жил в селе Золино Симбирской губернии довольно замкнуто. Как вспоминают родственники Мусиных-Пушкиных, он был заядлым охотником. Григорий Александрович имел пятерых сыновей — Бориса, Всеволода, Александра, Михаила, Льва.

Семен Александрович и Григорий Александрович Мусины-Пушкины, к сожалению, унаследовали тяжелый недуг отца. Григорий Александрович в припадке болезни застрелился в 1901 году.

Жизнь Семена Александровича тоже оборвалась трагически. Его несправедливо обвинили в растрате казенных денег, началось следствие. Это осложнило душевное состояние Мусина-Пушкина, и 21 августа 1907 года он застрелился. В некрологе, опубликованном в журнале «Исторический вестник», говорится, что ошибка объяснилась и невиновность Мусина-Пушкина была доказана. Вдова Мусина-Пушкина, Варвара Спиридоновна, осталась практически без всяких средств к существованию. Она вынуждена была продать большую библиотеку мужа, а затем стала хлопотать о продаже его коллекций.

В это время судьба Варвары Спиридоновны и ее дочери Ольги Семеновны Покровской оказалась тесно связанной с Симбирской губернией. Они поселились у симбирских родственников в селе Золино. В 1913 году Ольга Покровская за 300 рублей продала журналу «Голос минувшего» право публикации писем Гончарова к Елизавете Васильевне Толстой и черно-белой репродукции ее портрета.

Исторические события разбросали внуков Елизаветы Васильевны. Судьба многих из них неизвестна. Только о двух — Всеволоде и Александре — имеются некоторые сведения. Они жили в Москве, Всеволод Григорьевич — в доме № 3 по Кривоникольскому переулку, Александр Григорьевич — в Петровско-Разумовском. Они были связаны с театром. Всеволод Григорьевич под псевдонимом Пушмин писал небольшие пьесы за злобу дня. Александр Григорьевич под псевдонимом Часков служил артистом в областном показательном крестьянском театре. По-видимому, у одного из них хранился портрет бабушки, пока не попал в комиссионный магазин.